

HISTORY OF THE EAST National History ИСТОРИЯ ВОСТОКА Отечественная история

Научная статья

УДК 94(470.6)

<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2023-6-2-251-259>

Исторические науки

Вступительное слово

31 марта 2023 г. автор публикуемой статьи, член-корреспондент РАН Вадим Винцерович Трепавлов, ушел из жизни. Смерть наступила после мучительной болезни, которая последние полгода почти не давала ему работать. За 40 лет, которые он посвятил исторической науке, Вадим Винцерович успел сделать много. В 1993 г. он опубликовал свою первую книгу об исторической преемственности государственного строя Монгольской империи. С тех пор он написал и издал полтора десятка монографий, несколько сот статей, издал множество сложнейших средневековых исторических текстов. Годы его служения науке не просто совпали в нашей историографии со временем пересмотра и переоценки отношения к эпохе Золотой орды и тюрко-татарских государств, образовавшихся после ее распада: он сам во многом был творцом и двигателем этого пересмотра. Авторитет его в этой области — непререкаем. Закономерно, что в 2019 г. В. В. Трепавлов возглавил вновь созданную международную Ассоциацию исследователей Золотой Орды.

Долгие годы Вадим Винцерович руководил Центром истории народов России и межэтнических отношений Института российской истории РАН, который за время его руководства превратился в коллектив сильных ученых, не всегда единомышленников, но почти всегда законодателей, определяющих повестку дня в изучении истории национальной политики в Московском государстве — Российской империи и СССР. У него было не так много прямых учеников (Вадим Винцерович почти не преподавал), но многие современные историки (включая и автора этих строк) почли бы за честь назвать себя таковыми — столь сильное влияние его труды оказали на российскую (и не только российскую) историографию последних 30 лет. Как сказал кто-то из древних поэтов, велик учитель, который учит и у него учатся. Но вдвойне велик тот, кто не учит, но у него учатся. Вадим Винцерович принадлежал как раз к последним: он щедро делился своими знаниями в книгах и статьях. Их тиражи и востребованность необычайно высоки, да и в репутационном рейтинге российских академических историков В. В. Трепавлов занимает весьма почетное место.

Контент доступен под лицензией Creative Commons “Attribution-ShareAlike” («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

© Трепавлов В. В., 2023
© Ориенталистика, 2023

Как это часто бывает с крупными учеными, не все задуманное удалось завершить: остались в проектах статьи и книги, ждут своего вдумчивого исследователя и издателя материалы в архиве ученого (например, завершённые части книги, посвященные эпосу Эдиге). Его статьи продолжают выходить после смерти, как свет погасших звезд продолжает достигать земли многие годы после их гибели. Одна из этих статей и предлагается теперь читателю. Я уверен, что последний в который раз по достоинству оценит честность и присущую В. В. Трепавлову беспристрастность: перо историка всегда было бескомпромиссным и объективным, а сам он далеким от какой бы то ни было национальной или политической ангажированности.

И. В. Зайцев

Северо-Восточный Кавказ как объект российской геополитики (XVII–XVIII вв.)

Вадим Винцерович Трепавлов

(10.12.1960–31.03.2023)

*член-корреспондент РАН, доктор исторических наук,
Институт российской истории РАН, Москва, Россия,
trepavlov@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-1783-8670>*

Аннотация. Особенностью геополитического положения политических образований Восточного Кавказа были постоянные притязания со стороны Персии и временами Турции. Лавирование между Сефевидами, Османами, Гиреями и Рюриковичами (затем Романовыми) часто составляло основу внешнеполитической деятельности местных правителей. Итогом такого лавирования являлось периодически возникавшее «общее холопство» – признание подчиненности одновременно русскому царю и персидскому шаху. Только в начале XIX в., в результате побед русских войск, встал вопрос об официальном присоединении Восточного Кавказа к Российской империи.

Ключевые слова: шамхальство, Персия, Россия, подданство, шерги

Для цитирования: Трепавлов В. В. Северо-Восточный Кавказ как объект российской геополитики (XVII–XVIII вв.). *Ориенталистика*. 2023;6(2):251–259. <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2023-6-2-251-259>.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

The North-Eastern Caucasus as an object of Russian geopolitics (the 17th – 18th centuries)

Vadim V. Trepavlov

*Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Institute of Russian History of the RAS, Moscow),
trepavlov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1783-8670>*

Abstract. A feature of the geopolitical position of the political entities of the Eastern Caucasus was the constant claims from Persia and, at times, Turkey. Maneuvering between the Safavids, Ottomans, Girays and Ryurikoviches (then Romanovs) often formed the basis of the foreign policy activities of local rulers. The result of such maneuvering was the periodically arising ‘general servitude’ — recognition of subordination to both the Russian tsar and the Persian shah. Only at the beginning of the 19th century, as a result of the victories of the Russian troops, the question arose about the official annexation of the Eastern Caucasus to the Russian Empire.

Keywords: Shamkhal principedom, Persia, Russia, citizenship, shert treaties

For citation: Trepavlov V. V. The North-Eastern Caucasus as an object of Russian geopolitics (the 17th — 18th centuries). *Orientalistica*. 2023;6(2):251–259. <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2023-6-2-251-259> (in Russian).

Среди владений на территории Восточного Кавказа наиболее могущественным и влиятельным в позднем средневековье было шамхальство. Казикумухские шамхалы официально являлись вассалами персидских шахов. Однако с конца XVI в., столкнувшись с соседством сильных русских воевод (в Астрахани и Терском городке), они стремились определить свою линию поведения по отношению к России. Начался обмен посольствами с Москвой, зазвучали заверения в миролюбии, стали заключаться так называемые шертные соглашения.

В конце XVI — первой половине XVII в. шерты лишь обозначали иерархическое соотношение царя и шамхала, но вовсе не подданство Москве. Особенностью геополитического положения Дагестана и шамхальства были постоянные притязания со стороны Персии и временами Турции. Отсюда и обычная политика лавирования. Хотя шамхал и объявил воеводе А. Хворостинину в 1589 г., будто «хочет он быть под государевой рукою», на самом деле было известно, что он «не хочет служить ни турецкому, ни московскому, а хочет жити о себе» (цит. по: [История народов Северного Кавказа..., 1988, с. 341]). В окрестных государствах давно поняли эти устремления казикумухского правителя и не особенно полагались на его обещания союзнической верности. В то же самое время в Москве принимали персидского гонца, который констатировал на переговорах: «...шевкальской княз манит на все стороны: шаху манит, чтоб за него стоял, а с турецким ссылаецца ж, а государю также манит; а верить ему ни в чом не мочно» [Белокуров, 1889, с. 563].

К выстраиванию дипломатических комбинаций с Московским государством шамхалов побуждало и то обстоятельство, что попытки русских утвердиться в северо-западном Прикаспии военным путем не увенчались успехом (после похода на Тарки 1604 г. вооруженные силы не использовались здесь Россией в течение 118 лет). В отношениях между Россией и шамхальством воцарился мир, но вероятность новых вторжений сохранялась. И постоянные дружелюбные декларации в адрес царя служили средством предотвратить такое развитие событий — наряду со стремлением получить и сохранить привилегии при торговле с Россией. Подобное лавирование было присуще и другим дагестанским владетелям — аварским нуцалам и кайтагским уцмиям.

Порой приходилось проявлять чудеса изворотливости, чтобы доказывать свою лояльность одновременно и Москве, и Исфахану. На протяжении первой половины XVII в. неоднократно складывалась ситуация, когда в борьбе за главенство дагестанские князья обращались за помощью то к одной, то к другой стороне, а во время военных походов умудрялись выступать на стороне персидских войск, но при этом наносить минимальный ущерб российским владениям и союзникам. Известно, что на одной стороне шамхаловой печати имелась надпись, обозначающая персидское «подданство», а на другой — российское [Гаджиев, 1965, с. 85]. Однажды терские воеводы — то ли умышленно демонстративно, то ли по недосмотру — получили грамоту с уверениями в преданности царю, но скрепленную печатью с текстом: «Шаха Аббаса холоп Сурхай шевкал» (в тогдашнем русском переводе) [Магомедов, Магомедов, 1994, с. 174].

Несколько более отстраненно держались предводители Кайтага. В слишком тесные отношения с великими державами они не вступали, более всего ценив свою независимость. Если шамхалы в целом держались пророссийской ориентации и иногда даже получали формальную инвестицию из Москвы, то уцмии через несколько лет после объявления о намерении быть «под... царскою высокою рукою в вековом холопстве» могли заявить о принципиальной невозможности этого: «А мусульманом у хрестьянского государя как в холопах быть, они холопи... шаховы» [*Русско-дагестанские отношения...*, 1958, с. 95, 174].

Двухсотлетняя эпопея многократного шертования кабардинских, дагестанских и прочих владетелей русским царям подтверждает эту особенность международных отношений позднего средневековья. Кавказоведы, разумеется, давно определили ее, и большинство авторов отнюдь не склонны буквально воспринимать заключавшиеся тогда соглашения как обращение в подданство «белому царю». Их резонно интерпретируют как результат временного совпадения интересов местной правящей элиты и российских властей, как свидетельство политического союза, направленного против третьих сил — соседних держав, боровшихся за Кавказ. Лавирование между Сефевидами, Османами, Гиреями и Рюриковичами (затем Романовыми) часто составляло основу внешнеполитической деятельности местных правителей. Итогом такого лавирования являлось периодически возникавшее «общее холопство» — признание подчиненности одновременно русскому царю и персидскому шаху.

В целом периодическое обновление шертей и русско-персидское «общее холопство» показывают, что договоры носили конъюнктурный и преходящий характер, а население северокавказских владений не состояло тогда в российском подданстве.

Столь же мало обязывающими оказывались неоднократные решения о принятии в «холопство» и шертования грузинских монархов, которым требовалась помощь в борьбе с вражескими нашествиями. В первой половине XVIII в. ослабленная, раздробленная, лишенная привычного персидского тыла Грузия становилась жертвой частых и безнаказанных набегов дагестанцев, которых в Грузии обобщенно называли лезгинами. В 1731 г. царь Восточной Грузии (Картли) Вахтанг VI представил вице-канцлеру Остерману «Реестр которые разоряют Грузию» — список из десяти пунктов, в котором перечислялись эти беспокойные соседи: на первом месте значился шамхал, затем прочие северокавказские правители (в том числе уцмий, кайтагский и табасаранский владетели), а также «чачанцы», не имевшие общего предводителя. Причем всех их Вахтанг всерьез и напрасно считал реально покровительствуемыми Россией — теми, «кто... разоряет Грузию и с протекции е. и. в.» [Документы по взаимоотношениям Грузии с Северным Кавказом в XVIII в., 1968, с. 15, 16].

Уже в XVII в. в отношениях российского правительства с высшими социальными стратами этого региона проявлялись черты, отчасти знакомые по современному состоянию дел. Местным правителям и до, и после включения Восточного Кавказа в состав империи щедро раздавались от высочайшего имени чины, медали, денежное жалование. Но эти знаки внимания рассматривались горцами не только как высочайшая милость, но и в качестве скрытой формы дани, как плата за лояльность. (В современной историографии об этом предпочитают помалкивать, как и в старой советской.) Это было (и остается) элементом традиционной политической культуры региона. Такое отношение к могущественным покровителям сформировалось еще в эпоху взаимодействия кавказцев с турками и персами.

В XVIII в. действия держав в крае активизировались, но местная элита не изменила проверенной тактике лавирования, разве что пришлось больше учитывать еще и османский фактор. Наряду с традиционным персидским присутствием, становятся заметными притязания Стамбула, и получалось так, что горский правитель мог одновременно получить титулы от султана и шаха, жалование от шаха и императора. До Персидского похода Петра I российское правительство рассматривало Дагестан как сферу интересов Персии. Это подтверждалось постоянным и щедрым шахским жалованьем шамхалам и уцмиям. Дагестан не считали тогда частью Российского государства. Астраханский губернатор А. П. Волынский писал царю в 1719 г.: «Кумыцкой народ, хотя и под персидскою протекциею, однако ж... ежели приложить труд, то будет доброжелательнее к стороне е. ц. в. ...» [Русско-дагестанские отношения..., 1988, с. 28]. Переговоры, заверения в верности, просьбы о покровительстве продолжались, как и в предыдущем столетии, но Петербург постоянно отказывался от установления своей власти над этой частью Кавказа из опасения ухудшить отношения с Персией.

Несмотря на очень относительный характер зависимости северо-кавказских владений от России в XVII и большей части XVIII в., русская администрация пыталась применять в крае приемы, отработанные во время присоединения восточных территорий. В частности, многократно делались попытки насадить здесь аманатство. В Кизляре для заложников был выстроен специальный «двор» (где они порой содержались «не лутче невольников, без выпуску из крепости»). Предназначение содержащихся под стражей заключалось в гарантиях лояльности и ненападения приславших их правителей. Никаких выплат податей, в отличие от Сибири, кавказские аманаты не обеспечивали. Местные владельцы быстро научились обходить обязательства, связанные с заложничеством. Довольно распространенным явлением была присылка «в заклад» незнатных людей, одетых для отвода глаз в богатую одежду. Могли направить и побочных сыновей или братьев (как говорили грузинские послы про шамхала, «хотя он и сына даст в заклад или брата своего — и то ни во что: сынов у него много, что собак») (см.: [Акты исторические..., т 4, 1842, с. 160; Белокуров, 1889, с. 58; Бутков, 1869, с. 163]). Ясно, что судьба таких заложников князей не волновала и в действиях не стесняла.

Вместе с тем на здешних аманатов возлагалась другая функция, которая не была присуща таким же заложникам на востоке, за Уралом и в казахской степи. Они были призваны служить средством распространения российского влияния на родине. С этой целью императорскими указами предписывалось кавказских аманатов обучать грамоте, «стараться искусным образом отвадить от варварских нравов, вселять людность и лучшее обхождение, и для того доводить их к частому обращению с русскими». Впрочем, понятно, что решающим фактором установления имперской власти на Кавказе стали не эти воспитательные мероприятия, а успехи российской армии.

На протяжении почти всего периода XVI–XVIII вв. правители Северного Дагестана находились в сфере гегемонии Персии и считались шахскими вассалами. В конце XVIII в. персидская держава была ослаблена смутой, и ее власть на Кавказе ослабла. В этих условиях Россия по Георгиевскому трактату 1783 г. взяла под покровительство Восточную Грузию (тоже давнего шахского вассала) и попыталась распространить свое влияние на шамхальство. Екатерина II в 1793 г. не только удостоила шамхала Мухаммеда чином тайного советника и назначила ежегодное жалованье в 6 тыс. руб., но и прислала ему усыпанное алмазами перо для ношения на шапке. Через четыре года Павел I утвердил на шамхальском троне сына скончавшегося Мухаммеда, Мехди, и наградил его тем же высоким чином 3-го класса и таким же жалованьем, снова даровал право носить на шапке перо. Строго говоря, это была геополитическая интрига, ведь Дагестан пока формально принадлежал персам. Но и после его вхождения в состав Российской империи, в 1836 г., шамхал Абу Муслим получил от Николая I дозволение относительно пера [Бутков, 1869, с. 290; *Шамхалы Тарковские...*, 1868, с. 62, 65].

Российские дипломаты тонко чувствовали пристальное внимание восточных владельцев к разного рода формальным знакам внимания и уважения. В этом смысле предоставление права на ношение пера ценилось в глазах шамхалов не меньше степени тайного советника, ставившего этих

кавказских лидеров на одну ступень с российскими министрами и генерал-губернаторами. Перо (*соргуч*) на шапке в персидской политической культуре служило знаком властвования над народом. Драгоценную корону могущественного шаха-завоевателя Надира украшали четыре алмазных пера, соответствовавшие четырем подвластным ему странам: Ирану, Афганистану, Индии и Средней Азии — Бухарскому и Хивинскому ханствам [Потто, 1887, с. 276]. Кавказские владения, таким образом, принадлежали к территориям, которые олицетворяло «иранское» перо. И теперь Петербург давал шамхалу знак освобождения от прежней долгой зависимости от шахов и прерогативу иметь на головном уборе собственное — «дагестанское» перо. Российский же церемониал предусматривал иной набор символов. По предписанию правительства, в 1784 г. кавказский командующий Павел Потемкин вручил шамхалу вместе с грамотой о принятии в подданство соболиную шубу и саблю [Гаджиев, 1965, с. 148].

Однако только в начале XIX в., в результате блестящих побед русской армии на Кавказе, встал вопрос об официальном присоединении Дагестана к Российской империи. 12 октября 1813 г. в азербайджанском селении Гюлистан был подписан «трактат вечного мира и дружбы» между Российской империей и Персидским государством. Согласно этому договору, Персия признавала переход к России Дагестана, Картли, Кахети, Мегрелии, Имеретии, Гурии, Абхазии и части Азербайджана, где находилось 7 ханств.

Персия не смирилась с утратой Закавказья. Вскоре она развязала новую войну против России, закончившуюся поражением Персии и подписанием Туркманчайского мирного договора 1828 г., который подтвердил положения Гюлистанского трактата.

Однако включение края в административную структуру империи происходило на протяжении нескольких десятилетий, сопровождаясь постепенным упразднением политических образований на Восточном Кавказе и учреждением новых территориальных подразделений (в частности — Каспийской и Дагестанской областей).

Список литературы / References

1. *Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею*. Т. 4: 1645–1676. Гл. ред. И. Григорович. СПб.: Тип. II-го Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1842 [*Acts Collected by the Caucasian Archaeographic Commission*. Vol. 4. Saint Petersburg: Tip. II-go Otdeleniya Sobstvennoy E. I. V. Kantselyarii, 1842 (in Russian)].
2. Белокуров С. А. *Сношения России с Кавказом*. Вып. 1: 1578–1613 гг. М.: Университетская типография, 1889 [Belokurov S. A. *Russia's relations with the Caucasus*. Vol. 1: 1578–1613. Moscow: Universitetskaya tipografiya, 1889 (in Russian)].
3. Бутков П. Г. *Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год*. Ч. 1. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1869 [Butkov P. G. *Materials for the new history of the Caucasus since 1722 to 1803*. Part 1. Saint Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk, 1869 (in Russian)].

4. Гаджиев В. Г. *Роль России в истории Дагестана*. М.: Наука, 1965 [Gadjiev V. G. *The role of Russia in the history of Dagestan*. Moscow: Nauka, 1965 (in Russian)].
5. *Документы по взаимоотношениям Грузии с Северным Кавказом в XVIII в.* Подгот. к печати В. Н. Гамрекели. Тбилиси: Мецниереба, 1968 [*Documents on relations between Georgia and the North Caucasus in the 18th century*. Prep. to the publ. V. N. Gamrekeli. Tbilisi: Metzniereba, 1968 (in Russian)].
6. *История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в.* Под ред. Б. Б. Пиотровского. М.: Наука, 1988 [*History of the peoples of the North Caucasus from ancient times to the end of the 18th century*. Ed. B. B. Piotrovskii. Moscow: Nauka, 1988 (in Russian)].
7. Магомедов Р. М., Магомедов А. Р. *История Дагестана*. Махачкала: Дагестан. кн. изд-во, 1994 [Magomedov R. M., Magomedov A. R. *The history of Dagestan*. Makhachkala: Dagestanskoe knijnnoe izdatel'stvo, 1994 (in Russian)].
8. Потто В. А. *Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях*. Т. 1. СПб.: Изд. В. А. Березовского, 1887. [Potto V. A. *Caucasian war in separate essays, episodes, legends and biographies*. Vol. 1. Saint Petersburg: Izdatel'stvo V. A. Berezovskogo, 1887 (in Russian)].
9. *Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII в. Документы и материалы*. Отв. ред. М. М. Ихиллов. Махачкала: Дагестан. кн. изд-во, 1958 [*Russian-Dagestan relations in the 17th – first quarter of the 18th centuries*. Documents and materials. Ed. by M. M. Ikhilov. Makhachkala: Dagestanskoe knijnnoe izdatel'stvo, 1958 (in Russian)].
10. *Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в. Сборник документов*. Отв. ред. В. Г. Гаджиев. М.: Наука, 1988 [*Russian-Dagestan relations in the 18th – beginning of 19th centuries*. Ed. by V. G. Gadjiev. Moscow: Nauka, 1988 (in Russian)].
11. *Шамхалы Тарковские. Сборник сведений о кавказских горцах*. Вып. I. Тифлис: Тип. Гл. управления Наместника Кавказского, 1868. С. 53–80 [Shamkhali Tarkovskie. *Collection of Information about the Caucasian Highlanders*. Issue I. Tiflis: Tip. Glavn. Upr. Namestnika Kavkazskogo, 1869, pp. 53–80 (in Russian)].

Информация об авторе

Вадим Винцерович Трепавлов — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, Институт российской истории РАН, Москва, Россия; trepavlov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1783-8670>.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 29.03.2023; одобрена рецензентами 10.04.2023; принята к публикации 12.04.2023; опубликована 30.06.2023.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author

Vadim V. Trepavlov — Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Institute of Russian History of the RAS, Moscow); trepavlov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1783-8670>.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

The article was submitted 29.03.2023; approved after reviewing 10.04.2023; accepted for publication 12.04.2023; published 30.06.2023.

The author has read and approved the final manuscript.